



РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-4-891-902

Повседневный народный российский патриотизм: возможности и ограничения социологического исследования и типологизации*

И.В. Троцук

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу К. Клеман «Патриотизм снизу. “Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?”» (М.: НЛЮ, 2021. 232 с.). Книга основана на результатах исследовательского проекта, нацеленного на развернутую характеристику разных типов повседневного российского патриотизма посредством использования качественного подхода (по сути, проведены кейс-стади и полужформализованные интервью, хотя обозначены они в книге как этнографическое исследование и глубинные интервью). В работе выделены и описаны следующие виды «низового» российского патриотизма, далеко не всегда совпадающего с государственным патриотическим дискурсом (патриотизмом «сверху»): негосударственный и государственный повседневный патриотизм, не-патриотизм, отстраненный патриотизм и локальный патриотизм. В рецензии обозначены как несомненные достоинства книги, так и ее концептуальные, методические и аналитические ограничения, которые могут стать отправной точкой для дальнейшего социологического изучения дискурсивных практик и поведенческих паттернов россиян, особенно живущих в российской «глубинке» (депрессивных периферийных районах страны).

Ключевые слова: патриотизм; повседневный патриотизм; патриотизм «сверху» и «снизу»; государственный дискурс; обыденные трактовки; негосударственный и государственный патриотизм; локальный патриотизм

Патриотическая риторика неизменно пронизывает российский государственный дискурс, хотя причины обращения к проблематике патриотизма и расставляемые здесь акценты могут значимо различаться в зависимости от конкретных задач (социальных, экономических, (гео)политических, образовательных и пр.). Причем патриотически фундированный управленческий дискурс («патриотизм сверху») не всегда резонирует с обыденными

* © Троцук И.В., 2021

Статья поступила 01.08.2021 г. Статья принята к публикации 28.09.2021 г.

трактовок «правильной любви к родине» («патриотизм снизу»). Несмотря на, казалось бы, прозрачное содержание понятия «патриотизм», зафиксированное во множестве словарей — «любовь к своей стране, отчизне» (патриот, соответственно, — «любитель отечества, ревнитель о благе его» [3. С. 24]), определения патриотизма в целом и его конкретных проявлений (патриотического поступка, решения, поведения и пр.) обросли множественными коннотациями. Причины тому — предсказуемые отличия задач управления (например, широкой общественной консолидации) от реалий повседневной жизни, и неоднозначное отношение к патриотизму, особенно с точки зрения «служения государству», зафиксированное, в частности, в русской художественной и публицистической литературе: трактовки патриотизма варьируют от абсолютного добра и блага (настоящий, правильный, хороший патриотизм) до источника межнациональной розни и социальных проблем (шовинизм, дурной патриотизм, ксенофобия и пр.).

В российском публичном дискурсе часто упоминаются, а сегодня и жестко критикуются высказывания Л.Н. Толстова о патриотизме как «чувстве неестественном, неразумном, вредном, причиняющем большую долю тех бедствий, от которых страдает человечество», чувстве «отсталом, несвоевременном и вредном», «грубом, стыдном, дурном, а главное — безнравственном», поскольку выступает оно причиной «разоряющих народ всеобщих вооружений и губительных войн», делая человека «рабом своего правительства» и заставляя его «совершать поступки, противные своему разуму и своей совести» [10]. Критика подобных определений патриотизма обосновывается не только текущими задачами государства и состоянием общества, но и наличием совершенно противоположных высказываний: например, согласно Н.А. Добролюбову, в порядочном человеке патриотизм — это «желание трудиться на пользу своей страны», «желание делать добро», поэтому патриотизм — «живой» и «деятельный», не допускающий «хвастливых и восторженных восклицаний о своем народе» и не уживающийся с «неприязнью к отдельным народностям» [4]. Д.И. Менделеев подчеркивал, что «любовь к отечеству, или патриотизм, ...составляет одно из возвышеннейших отличий развитого, общежитного состояния людей от их первоначального, дикого или полуживотного состояния» [5. С. 112]. Те, кто смотрит политические ток-шоу на российских телеканалах, постоянно слышат большую часть перечисленных в этих определениях эпитетов патриотизма с соответствующими (политической повестке дня) оценками.

Рецензируемая книга (автор — Карин Клеман, но в работу включены главы, написанные другими членами исследовательского коллектива, и повествование ведется от лица «мы») представляет читателю результаты проекта, всю совокупность задач которого можно свести к двум основным: во-первых, уйти от оценочных суждений по поводу патриотизма, разведя два его «уровня» — всегда позитивно коннотированный патриотизм «сверху» (идеологический, стратегический, декларативный, мобилизационный и пр.) и более сложно составленный (обязательно включающий в себя социально-

критическую компоненту) патриотизм «снизу». Во-вторых, разработать типологию, которая помогла бы не только выделить характерные для российского общества типы «низового» патриотизма, но и объяснить с помощью этой аналитической «оптики» особенности национально-гражданского и обыденно-политического мировоззрения россиян.

Следует сразу предупредить читателя об особенностях книги — на тот случай, если он приобрел ее, ориентируясь на название (работа о патриотизме), но ничего не знает о Карин Клеман — исследователе-активисте, специалисте по низовым движениям и социологе с западной подготовкой, проводившем максимально включенное наблюдение за российскими реалиями в течение более двадцати лет. Во-первых, для российского научного и публицистического дискурса не характерен термин «национальное строительство», поэтому утверждения автора, что «в постсоветской России этот процесс все еще не завершен» (на фоне стран Западной Европы и США), вряд ли соответствуют тому, как российские исследователи характеризуют происходящее в стране. Впрочем, сегодня можно поспорить и с утверждением автора, что «в современном мире есть состоявшиеся нации, нации в процессе создания (национального строительства) и национальные группы, стремящиеся к созданию собственного государства или другой формы политической автономии» (С. 16), не по сути, а по тому, кто подразумевается под «состоявшимися нациями» — автор относит к таковым, прежде всего, США и страны Западной Европы, но движение Black Lives Matter в первом случае и миграционный кризис во втором заставляют усомниться в их «национально-строительной завершенности».

Заданный концептуальный фрейм автор использует, чтобы представить понятия национализма и патриотизма как синонимы (в рамках национального государства), но в России соотношение национальной и гражданской идентичностей не столь однозначно, особенно в региональном и этническом «измерениях». Отсюда же автор выводит связь патриотизма/национализма с обязанностью достойного гражданина/представителя нации участвовать в политике для построения демократического общества, что тоже не всегда понятно российскому читателю. Более того, попытка использовать понятия национализма (отношение к «стране как государству, политике, а не географическому локусу») и патриотизма («чувство привязанности к родине/стране как месту и к людям, его населяющим») как синонимы приводит к тому, что автору приходится придумывать слово «русско-российский», поскольку речь идет не только об этнических русских, но и о россиянах других национальностей, однако отмеченное автором смешение (вернее почти синонимическое употребление) понятий «русский» и «россиянин» в повседневной жизни не означает, что россияне не различают этническую и гражданскую идентичности. Причем автор сам себе противоречит: в книге неоднократно упоминается, что даже те респонденты, которые нормально относятся к мигрантам и практически не обращают внимания на национальность людей вокруг, используют для характеристики представителей других национальностей

неполиткорректные обозначения — это результат того, что их считают «своими» (россиянами — по гражданству или старожильчеству), но помнят о национальных отличиях, особенно если они связаны с религиозно-конфессиональной принадлежностью, традициями в целом и гендерными ролями в частности.

Вторая особенность книги состоит в том, что, как человек, занимающий активную социально-политическую позицию, автор иногда использует достаточно оценочно-жесткие (для академического издания) понятия, хотя речь может идти о постановке исследовательских задач («ксенофобская великодержавность», «идеологическая пропаганда во имя несменяемости власти» и др.), и слишком увлечена отсылками к В.В. Путину, гиперперсонализируя многие проблемы российского общества. Не следует радикально критически относиться к подобным концептуальным и понятийно-оценочным нюансам книги, учитывая западную исследовательскую подготовку и социальный активизм автора, потому что можно упустить интересные эмпирические находки.

В-третьих, у «методологически травмированного» социолога не могут не вызвать вопросы и методические аспекты эмпирического проекта. Он заявлен как основанный на качественном подходе, что обусловлено не только предметом (содержание и типы низового российского патриотизма), но и стремлением показать, что скрывается за воодушевляющими (руководство страны) результатами общероссийских социологических опросов (количественный подход), показывающими рост патриотических настроений среди россиян. С практической точки зрения (что, как и зачем было сделано на этапах сбора и анализа эмпирических данных) «качественность» исследовательского проекта оправдана, но в книге встречаются терминологические неточности (вряд ли речь идет о глубинных интервью — скорее о полуформализованных интервью-беседах; называть проведение интервью «для выяснения проблем межэтнических отношений на локальном уровне» этнографическим исследованием некорректно даже с учетом западной расширительной трактовки этой тактики), методические недоговоренности (не объясняются причины проведения не только индивидуальных, но и коллективных интервью, не указано их соотношение) и необъяснимое калькирование количественного подхода в анализе данных, хотя исследование носило разведывательно-поисковый характер и не в полной мере выполнило требования даже к использованной целевой выборке.

Сомнения вызывает и использованный в книге подход к анализу полученных данных — текстов индивидуальных и коллективных интервью. Автор описывает его как обнаружение в транскриптах «признаков “следов патриотизма”» (на С. 36 приведен список признаков), по каждому из которых фиксировались «контекст высказывания, ...эмоции, сопровождающие упоминание того или иного понятия или явления [как именно они фиксировались, не уточняется], ...смысл, вкладываемый респондентом в тот или иной признак (чаще всего требовался уточняющий вопрос интервьюера), ...оценки или

суждения, сопровождающие упоминание признака, наличие или отсутствие у респондента идентификации с упоминаемым явлением» (С. 37). Все это напоминает либо привычный для качественного подхода нечастотный контент-анализ [см., напр.: 7; 8; 13], либо «обоснованную теорию» [см., напр.: 6; 13; 15; 18] («живые коды», несколько процедур кодирования, чтобы выйти на набор категорий — типы патриотизма — и «теоретическая выборка» рассмотренных «кейсов»). Неиспользование общепринятой модели текстового анализа делает итоговую типологию низовых патриотизмов несколько хаотичной, а непроработка «категорий» (типов патриотизма) по правилам контент-анализа или кодирования «обоснованной теории» порождает множественные пересечения типов.

Таким образом, можно суммировать возникающие к книге вопросы следующим образом: что касается общего теоретико-методологического «фрейма», то непонятно, почему в качестве такового не был использован критический дискурс-анализ [см., напр.: 9; 11; 13; 14; 16; 17]. С одной стороны, он бы не позволил задавать риторические исследовательские вопросы типа «если чувство принадлежности к нации в России и крепнет, то процесс этот является частью мирового тренда, но почему же тогда в мировых СМИ и научной литературе получило широкое распространение представление о россиянах как об особенно ярых националистах, шовинистах или империалистах?» (С. 10). Во-первых, хотелось бы увидеть ссылки на эти научные источники, потому что я не сталкивалась с такими описаниями россиян в академических изданиях — как «людей зомбированных, слепо следующих пропаганде» (С. 22). Во-вторых, в рамках критического дискурс-анализа подобный вопрос невозможен: мы живем в мире дискурсивно-конструируемом, и, в частности, медийный дискурс решает задачи проведения демаркационных границ между «мы» и «они» и создания образа «врага». В эту модель укладывается и представленная в книге характеристика нынешнего российского государственнического дискурса — как направленного на «развитие патриотизма... он стремится к достижению национального единения, понимаемого как укрепление государства, возвеличивание славного прошлого и великой культуры», что выразилось во «всплеске патриотизма, последовавшего за присоединением Крыма» и зафиксированного всеми опросами общественного мнения (С. 12). С другой стороны, в книге используется категориальный аппарат дискурс-анализа («нарративы», «дискурсы», «социальная критика» и пр.) и упоминаются представители его разных версий, например, Э. Лаклау с его понятием «пустого означающего» (С. 85). Поэтому декларативный отказ автора от изучения «патриотического дискурса или государственного патриотического проекта» (С. 15) сути исследования не меняет — автор проводит критический дискурс-анализ, показывая соотношение государственного и повседневного дискурсов в контексте патриотической проблематики, а также борьбу государственного дискурса за «правильное» структурирование, событийное и оценочное наполнение обыденного дискурса.

Что касается методологического подхода (качественного), то автор совершенно обоснованно обращается к нему для подтверждения гипотезы о существовании в России «множественных национализмов с различными значениями» и раскрытия «множественных смыслов, вкладываемых людьми в свое чувство патриотизма» и не просматриваемых в опросах общественного мнения, «свидетельствующих одновременно о высоком рейтинге главы государства и о высоком уровне патриотизма» (С. 13). Действительно, «качественные методы более чутки к тому, что респонденты говорят и делают», показывают, что «существует намного больше различных вариантов восприятия смысла того, чтобы быть россиянином или русским и жить в России» (С. 13), но зачем тогда использовать приемы количественного подхода? Качественный подход с момента своего оформления в эмпирической социологии (в работах представителей Чикагской школы) обосновывал достаточность аналитических обобщений (типологий) как результата исследования, проведенного с помощью (нерепрезентативной) целевой выборки (аналитической индукции) и полуформализованных методик (включенного наблюдения и разных типов интервью). В книге же встречаются утверждения, что проект «доказал наличие различных версий патриотизма, отличающихся от... кремлевского проекта» (С. 14 — все же не доказал, а показал), а выборка слишком смещена в пользу Санкт-Петербурга — 95 интервью из 237, что якобы дает авторам право проводить сопоставления по социально-профессиональным группам, причем в Москве было взято всего 26 интервью, а в Астрахани — 41, Казани — 24, Перми — 25, и разные типы поселений (село, моногород, столица и еще один город) были охвачены только в Алтайском крае.

Перекося в пользу Санкт-Петербурга можно было бы объяснить рассмотрением его как кейса, а не как «основного поля» (и все же не дающего возможности «сравнивать одинаковые социально-профессиональные группы в Санкт-Петербурге и в других городах» — С. 31), и привлечением некоторых других «полей» для сопоставительной контекстуализации данных и проверки разработанной типологии патриотизма. На небольшой (по меркам количественного подхода), целевой и не квотированной выборке некорректно проводить сравнения по большому количеству параметров, рассчитывать относительные частоты, представлять их в табулированном виде и делать выводы о региональных и иных различиях. Получается, что исследователи «отказались от использования количественных методов» как «измеряющих распространенность абстрактных представлений» и «выявляющих доминирующие в обществе стереотипы» (С. 25), подчеркивают, что их «метод носит строго качественный характер» (С. 121), но при этом калькируют формат отчетности количественного подхода, рассчитывая проценты по 237 интервью (в среднем одночасовой продолжительности), причем 50 из них «приходилось на неформальные ситуации» (непонятно, о чем идет речь, вероятно, о коллективных интервью — когда опрашивались люди, собравшиеся по просьбе исследователей или для решения своих вопросов). Несомненно, результаты анализа

транскриптов интервью можно представлять в «количественном» формате (это суть контент-аналитической их обработки), но только как соотношение выделенных категорий и составляющих их элементов, а не как «распределение различных типов патриотизма, в том числе по регионам» в процентах (С. 38), делая выводы, что «в целом государственных патриотов меньше, чем негосударственных» (С. 39), что «особенно широко локальный патриотизм распространен на Алтае (65%)» (С. 42) и «повсюду сопровождается антимосковскими настроениями» (С. 43), что «более половины респондентов предъявляют претензии государству» (С. 69), а тем более что «в Москве, в противоположность тому, что говорят опросы общественного мнения (!), зафиксированный уровень ксенофобии низкий, ниже, чем в Санкт-Петербурге» (С. 130).

Все сказанное выше не означает, что книгу не нужно читать — обязательно нужно, потому что в ней показаны важные тенденции развития российского общества, предпринята смелая попытка охарактеризовать «народный» патриотизм как не вполне совпадающий с государственными программами и риторикой патриотического воспитания и предложена полезная типология российского повседневного патриотизма — для проверки, уточнения и доработки в эмпирических исследованиях, в том числе в опросах общественного мнения. Однако следует читать книгу как кейс-стади со множеством ограничений концептуального и методологического характера, отстраняться от политизированных выводов автора и воспринимать неполитизированные выводы не как «доказательства», а как вероятностные суждения, требующие дальнейшей проверки.

Итак, какие виды патриотизма описаны в книге по результатам эмпирического исследования: прежде всего, это низовой/повседневный патриотизм в целом — он «показывает, каким образом люди, не принадлежащие к элитам, воспринимают свою страну и других ее жителей» (С. 15), это патриотизм «не риторический и не являющийся политическим проектом [в отличие от патриотизма «сверху»]», а скорее «обнаруживаемый на уровне чувств и эмоций, в практиках и неформальных разговорах», «не живущий и развивающийся в отрыве от обыденного существования, а, напротив, глубоко укорененный в опыте повседневности» (С. 17). Важность социологического изучения именно такого патриотизма объясняется тем, что наблюдается «расхождение или неполное совпадение между “верхушечным” национализмом [все же патриотизмом] (нацеленным на укрепление государства и лояльности правящим элитам) и низовым (т.е. пониманием нации [все же социальной общности] и ее значимости в повседневной жизни и рутинных отношениях)» (С. 34), т.е. социологу «необходимо интересоваться теми различными смыслами, которые могут быть присвоены (и присваиваются) официальным категориям и словесным клише. Патриотизм, патриот, родина, политика — все эти понятия могут наполняться разным содержанием — в зависимости от ситуации и жизненного опыта человека» (С. 35), и социолог может это «наполнение» типологизировать.

Повседневный патриотизм автор делит на негосударственный и государственный. Первый «характерен для респондентов, которые имеют свою версию патриотизма, отделяют ее от пропагандистской, осуждают “ура-патриотизм” и не одобряют роль, которую государство играет в насаждении патриотизма сверху, но... это не то же самое, что патриотизм оппозиционный», и он часто сопровождается «народным патриотизмом — в этом случае человек делает упор на лояльность народу, а не государству» (С. 38). «Государственные патриоты, напротив, одобряют официальную пропаганду, политику патриотического воспитания и роль государства в усилении нации, в первую очередь внешнеполитическом... но не обязательно поддерживают нынешний политический курс» (С. 39). В качестве элементов государственного патриотизма выступают: противопоставление России и Запада (необязательно враждебно-агрессивное, речь может идти о том, что «мы не хуже Запада»); желание подвести черту под «лихими девяностыми» (периодом, когда «любить родину было стыдно»); поддержка идеального образа своей общности посредством игнорирования некоторых изъянов («нить поменьше надо» и «не лить помой на страну, в которой живешь»); запрос на экспроприацию олигархической собственности в пользу государства, чтобы «поднять страну».

Третий тип — не-патриотизм: «не-патриоты отвергают всякий патриотизм, нередко бранят и гневно осуждают Россию..., считают, что в России все плохо, либо являются яркими оппонентами нынешних властей, отождествляя при этом Россию с последними и отвергая, соответственно, то и другое» (С. 41). Основным элементом непатриотизма (или декларации об отсутствии патриотизма) выступает негативная оценка России в целом — и государства (руководства страны), и населения, которая может основываться и на «идеализации Запада», и на «чувстве безысходности, заброшенности и беспомощности, невозможности что-либо сделать для улучшения общей и личной ситуации ни локально, ни тем более в масштабах страны» (С. 58).

Четвертый тип — «отстраненные патриоты» (слабая форма патриотизма): без наводящих вопросов не затрагивают тему патриотизма, но на прямой вопрос отвечают, что «любят Россию, но это не является важным компонентом мироощущения; ...важнее другое — то, как живет ему и другим здесь и сейчас... чаще отстраненный патриотизм сопровождается критическим отношением к государственной патриотической пропаганде» (С. 41). «Больше всего отстранены от вопросов... патриотизма люди, живущие в бедности или даже нищете и вынужденные постоянно бороться за выживание... Человек живет исключительно повседневными заботами... и отрицательно относится к государственному патриотическому проекту именно потому, что он никак не резонирует с его обыденной жизнью и вступает в противоречие с его непосредственным опытом»: «вот мне лично по барабану, Крым у нас там, не Крым, ты зарплату подними людям, дай нашим детям образование» (С. 59).

Несколько особняком стоит «локальный патриотизм — привязанность к району, селу, городу или региону», который может присутствовать во всех формах (общероссийского) патриотизма (С. 42), хотя в социологических

исследованиях все же принято выделять уровни патриотизма — любовь к малой родине и любовь к большой родине (стране). Локальный патриотизм может «разрастаться» до региональных размеров, как в случае с Татарстаном, где сложился региональный «патриотизм гордости» — «образ Татарстана ассоциируется с прогрессом, спортом, мультикультурализмом и межэтнической толерантностью, ростом благосостояния и высоким качеством жизни, ...нередко сопровождается критикой татарских властей (клановость, коррумпированность), ...для него характерна критика курса федерального руководства на централизацию, которой часто сопутствует пожелание большей автономизации региона» (С. 61).

Большая часть книги представляет собой детальные описания выделенных типов повседневного российского патриотизма на основе собранных и проанализированных интервью, и выводы и интерпретации авторов подтверждаются многочисленными цитатами из интервью, т.е. читатель получает возможность «услышать» голоса респондентов (с резкими оценками, юмором и матом), объясняющих свое отношение к российскому государству, обществу, различным социально-профессиональным группам, «своим» и «чужим» (по разным критериям). Во второй части книги представлено несколько своеобразных кейсов российского «активистского патриотизма» — описаны «активисты националистических или патриотических движений, сознательно апеллирующие к национализму или патриотизму в своей общественно-политической деятельности» (С. 142). Вторая часть книги написана в ином стиле, чем первая, потому что кейсы охарактеризованы по всем правилам кейс-стади (анализ публикаций, включенное наблюдение и интервью в разных сочетаниях), — это молодежные патриотические клубы и «прокремлевские» националистические движения (краткий очерк без интервью и наблюдений), русские националистические клубы как пример либеральной версии национализма и перформативные практики арт-группы «Родина» (сочетание всех методических решений).

Со многими выводами книги, особенно «количественного» характера, трудно согласиться, как и с отдельными аналитическими обобщениями, скажем, с конструкцией «социальный расизм» — как обозначением презрительного отношения якобы интеллигентного человека к якобы «зомбированным ура-патриотам» — или с разведением «моральных ксенофобов» и «ксенофобов по экономическим причинам». Однако нельзя не согласиться с авторами в том, что тип патриотизма в значительной степени определяет запросы к государству (перестать обогащать «денежные мешки», предоставить населению широкие социальные гарантии в сфере образования, здравоохранения и пр., развивать экономику через поддержку производства, а не финансового сектора и торговли и т.д.), но, независимо от типа повседневного патриотизма, главное требование простых россиян к государству — борьба с социальным неравенством. «По ощущению респондентов, именно социальное неравенство, а вовсе не межнациональная рознь — главный источник напряжения в

обществе» [см., напр.: 2]: «кто платит, тот заказывает музыку... богатые себе присвоили все ресурсы страны» (С. 89); «одни концы с концами свести не могут, а другие не знают, на что потратить свои огромные средства» (С. 91); «у нас как родился, так и начинаешь бороться за выживание» (С. 95) и т.д.

Позитивно-практический потенциал повседневного патриотизма как социальной установки (или ценностной ориентации) в книге обозначен предельно социологически: по аналогии с «социологическим воображением» (неотъемлемая часть профпригодности) патриотизм охарактеризован как «расширение социального воображения» — когда «человек живет не только своей ближайшей средой, не только в узком кругу “своих”... но и поднимает взгляд от земли и видит горизонт... вместо “своих” возникает группа “мы”, включающая в себя в том числе отдаленных друг от друга людей» (С. 21, 22) (использована модель «воображаемых сообществ» Б. Андерсона [1]). Однако, к сожалению, выводы книги не вписаны в контекст сложившихся в российской социологической литературе аналитических обобщений. Возможно, это объясняется тем, что сельское население и жители малых городов практически не попали в фокус внимания проекта, и автор не обращался к работам о российской (сельской) периферии, где убедительно показано, что тот негосударственный народный патриотизм, о котором автор пишет как о фундаменте низовой солидарности — «чувстве причастности к большой социальной общности “простых”, “бедных”, “трудящихся” людей, которая противопоставляется “богатым” и “ненастоящим патриотам”, т.е. патриотам только на словах, которые не готовы вкладывать собственные средства в развитие страны или прилагать усилия для общего блага» (С. 48), — это устойчивое основание для коллективных практик так называемой «Второй России» [см., напр.: 12] (прежде всего, депрессивной сельской периферии). Здесь повседневный локальный негосударственный патриотизм становится основой солидарного коллективного действия, обусловленного «чувством общности с теми, кто несправедливо беден» (С. 95), и, тем самым, основой сохранения человеческого и социального капитала сельских территорий и без предлагаемого в последней главе «левого патриотизма как органической идеологии местного активизма» (С. 221). Собственно об этом автор и пишет, говоря о главной линии раскола в российском обществе — «делении на богатых и бедных» — и низовом социально-критическом патриотизме, направленном против несправедливости в целом и несправедливого обогащения в особенности: «богатые — это в основном... те, кто занят в финансовом секторе; коррумпированные чиновники, олигархи и власть имущие; бедные — это в основном трудящиеся (те, кто работает тяжело, но зарабатывает копейки), пенсионеры, безработная молодежь, а также большинство жителей отдаленных регионов и сел. Первые — не патриоты или патриоты “на словах”; вторые — “настоящие патриоты”» (С. 88).

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-908).

Библиографический список

- [1] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
- [2] *Божков О.Б., Троцук И.В.* Постсоветский фермерский интернационал в сельском хозяйстве Северо-Западного региона // *Крестьяноведение*. 2020. Т. 5. № 4.
- [3] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 3.
- [4] *Добролюбов Н.А.* Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым // *Собрание сочинений в 3-х тт.* М., 1986. Т. 1.
- [5] *Менделеев Д.И.* К познанию России. СПб., 1907.
- [6] *Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М., 2001.
- [7] *Таршиц Е.Я.* Контент-анализ: принципы методологии (Построение теоретической базы. Онтология, аналитика и феноменология текста. Программы исследования). М., 2014.
- [8] *Таршиц Е.Я.* Перспективы развития метода контент-анализа // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2002. № 15.
- [9] *Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.* Методы анализа текста и дискурса. М., 2009.
- [10] *Толстой Л.Н.* Патриотизм и правительство // *Полное собрание сочинений в 90-та тт.* М., 1958. Т. 90.
- [11] *Троцук И.* Дискурсивное конструирование социальной реальности: концептуальные основания и эмпирические приемы разоблачения «скверных» практик // *Социологическое обозрение*. 2014. Т. 13. № 2.
- [12] *Троцук И.В.* «Вторая Россия»: форматы «обнаружения» и дискурсивной презентации // *Пути России. Новые языки социального описания*. М., 2014.
- [13] *Троцук И.В.* Текстовый анализ в социологии: проблемы и обещания разных типов «чтения» слабоструктурированных данных. М., 2014.
- [14] *Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Х., 2004.
- [15] *Charmaz K.* *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide through Qualitative Analysis*. Thousand Oaks, 2006.
- [16] *Fairclough N.* Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: The universities // *Discourse & Society*. 1993. № 4.
- [17] *Fairclough N.* *Media Discourse*. L., 1995.
- [18] *Miller S.I.* How does grounded theory explain? // *Qualitative Health Research*. 1999. Vol. 9. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-4-891-902

Everyday people's patriotism in Russia: Possibilities and limitations of sociological study and typologization*

I.V. Trotsuk

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia

RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

Abstract. The article is a review of the book by K. Clément *Patriotism from Below. "How Is It Possible That People Are So Poor in the Rich Country?"* (Moscow: NLO, 2021. 232 p.). The book is based on the results of the research project aimed at the detailed description of different types of

* © I.V. Trotsuk, 2021

The article was submitted on 01.08.2021. The article was accepted on 28.09.2021.

everyday Russian patriotism with the help of the qualitative approach (in fact, case studies and semi-formalized interviews were conducted, although the book presents them as ethnographic research and in-depth interviews). The book identifies and describes the following types of the ‘grassroot’ Russian patriotism which does not always coincide with the state patriotic discourse (patriotism ‘from above’): non-state and state everyday patriotism, non-patriotism, detached patriotism, and local patriotism. The review identifies both the undoubted merits of the book and its conceptual, methodological and analytical limitations which can become a starting point for further sociological studies of discursive practices and behavioral patterns of Russians, especially of those living in the Russian ‘hinterland’ (depressed peripheral regions of the country).

Key words: patriotism; everyday patriotism; patriotism ‘from above’ and ‘from below’; state discourse; everyday interpretations; non-state and state patriotism; local patriotism

Funding

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-908).